

О. Л. Кочеткова, Ю. В. Гапонова

ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

44

На материале русского языка второй половины XVII – начала XVIII в. рассматривается модальная семантика инфинитивных предложений с точки зрения ее взаимодействия с прагматическим фоном высказывания, определяется перечень частных модальных значений долженствования и необходимости, выражаемых конструкциями с независимым инфинитивом, функционирующими в директивных документах законодательного характера. Устанавливается связь семантики данных конструкций с жанром памятника.

The authors analyze modal semantics of infinitive sentences using examples from the Russian language of the second half of the 17th and early 18th centuries. Special attention is paid to the interaction of modal semantics with the pragmatic background of the utterance. The authors identify a variety of modal meanings, including those of necessity and obligation expressed by constructions with an independent infinitive in legislative directive documents. The authors analyze the dependence of the semantics of these constructions on the genre of the text.

Ключевые слова: модальность, инфинитив, прагматика, модальное значение, инфинитивные предложения.

Key words: modality, infinitive, pragmatics, modal meaning, infinitive sentences.

Предложения, которые в грамматической традиции квалифицируются как инфинитивные, имеют богатейшую историю изучения (см.: [14; 25; 27] и др.). Обращая внимание на структурно-семантическое своеобразие этих конструкций, исследователи неизменно отмечают их широкие семантические возможности, в соответствии с которыми уже в древнерусском периоде они «могут быть с большей или меньшей долей приближенности сгруппированы по трем рубрикам, в зависимости от значения долженствования, возможности или объективной заданности действия» [2, с. 278]. Эти возможности сохранились у них и на начальном этапе национального становления.

Как показывает исследованный нами материал этого периода, наиболее регулярно реализуемым инфинитивными предложениями модально-семантическим вариантом является значение необходимости. Прагматические характеристики документов, принадлежащих функциональной сфере делового языка, позволяют уточнить их модальную семантику, сузив ее до частных значений. Так, в рамках официальных деловых документов большинство инфинитивных предложений могут быть квалифицированы как долженствовательные, поскольку обозначаемое в них потенциальное действие связано с выполнением его субъек-

ектом определенной социально-ролевой функции, с учетом которой осуществляется речевой акт, также представляющий собой момент конвенциализованного поведения говорящего, что и инкорпорируется в семантическую структуру предложения компонентом «должно». Кроме того, по наблюдениям исследователей, совпадающим с данными нашего языкового материала, в XVII–XVIII вв. в части инфинитивных предложений повелительное значение «становится преобладающим над значением долженствования и даже полностью самостоятельным, хотя это во многих случаях еще остается связанным с жанром памятника» [25, с. 25].

С наибольшей интенсивностью семантика долженствования проявляется в предложениях, формирующих общий модальный план директивных документов законодательного характера, которыми задается и поддерживается постоянный режим взаимоотношений членов пары «социальная личность – государство (государственный институт)». Такие предложения менее всего соответствуют ситуации побуждения, непосредственно адресуемого говорящим собеседнику (второму лицу): исполнитель действия, к которому побуждают, не называется или обозначается обобщенным именем; действие мыслится как постоянная вменяемая ему обязанность, исполнение которой обычно ограничивается рамками определенной ситуации; субъект речи, также не сводимый к одному лицу, руководствуется интересами большинства, возводимыми им в ранг требующих безусловного соблюдения, законных, что и позволяет интерпретировать предложение как содержащее модальную оценку долженствования. Ср.: *А приходит истцам и ответчикам к суду в указаной день не позднее 8 часов поутру...* [24, с. 137]; *Для судьям дѣлат и вершитъ все по Уложению, а по новоуказаным статьям і сепоратным указам отнюд не дѣлат* [4, с. 40].

В ином пропорциональном соотношении находятся значения долженствования и побудительности в инфинитивных предложениях распорядительного характера, зафиксированных в различного рода наказах, памятках, указах, грамотах, адресованных конкретному должностному лицу (административному органу). Их воздействующая сила актуальна лишь до исполнения каузируемого действия, но даже на такое непродолжительное время последнее оценивается как должное, ибо речь идет о частном проявлении постоянной обязанности субъекта исполнять любые касающиеся его распоряжения. Обозначенность действующего субъекта (местоимением 2-го или 3-го лица, часто сопровождающимся собственным и/или нарицательным именем) или его необозначенность диктуется совпадением / несовпадением с ним адресата документа, общим количеством побудительных предложений в тексте и необходимостью их адресной дифференциации (часто предполагается, что исполнителя предписываемого действия определит лицо-адресат). Ср.: *ѣхат ему в порты заморские* [4, с. 43]; *Да ему же, Роману, домогатица накрѣпко, дабы его королевское величество указалъ дать ему на письме постановленной союзъ* [18, с. 576]; *А буде посоль похочеть идти, не займудя Юрьева Ливонского, на Псковь... и его на тѣ места и отпустить* [16, с. 10]; *А астраханским служилым людем быть конным и пешиим; а выбрать в Астрахани тех людей тебе, боярину нашему и воеводе...* [8, т. 1, с. 95].

Официальный статус прескрипции является более сильным детерминирующим основанием долженствования, чем ее приватный характер, не гарантирующий соблюдения ее автором принятых в социуме правил, в типичных случаях подтверждающих справедливость предъявляемых адресату требований, обеспечивающих успешность выполнения предписания. Однако и среди документов частного-делового порядка встречаются такие, в которых инфинитивные побудительные предложения имплицитно означают значение долженствования с достаточной очевидностью. В основании представляемой ими потенциальной ситуации лежат нравственные устои общества, которые имеет в виду говорящий, предписывая выполнение того или иного действия. (В деловых текстах, о которых пойдет речь далее, выделяются компоненты, «фиксирующие действия лиц и прогнозирующие их» [28, с. 118]. Последние традиционно обозначались инфинитивными предложениями в этих разновидностях деловых документов и в более ранние языковые периоды [28, с. 118].) Так, в духовных грамотах его позиция ориентирована на весьма строгие нормы, касающиеся исполнения последней (при осуществлении действия — посмертной) воли человека; в различного же рода «верующих», поручных записях — на нормы, требующие выполнения действия, относительно которого давалось ручательство или которое доверили (поручили без принятия его обязательств) выполнить субъекту. В ряде случаев, в основном в «верующих» челобитных, значение долженствования, выражаемое инфинитивными предложениями, совмещается с оттенком деонтической возможности «субъект (не) имеет права, субъекту (не) разрешается». Ср.: *...и живучи ему Луке за нашу порукою на той земле в своих хоромах никаким воровством не воровать, виномъ и табакомъ не торговать...* = не должен + не имеет права воровать, торговать [13, с. 175]; *...а откуп платит ему Борису за нашу порукою старого по четыре рубли по двенадцати алтын з денгою...; ...а противъ ево Мижужева челобитья у допросу быть и отвѣчать вышепомянутому ч. лю-веку моему* = имеет право + должен быть и отвечать [11, кн. 1, с. 224].

В документах, оформляющих имущественные, денежные отношения (купчих, меновых, сговорных и т. п.) и составляющихся, как правило, от первого лица одной из договаривающихся сторон, волеизъявительные инфинитивные предложения квалифицируются как обязательства, и семантика долженствования в них мотивируется самим фактом совершаемого речевого акта, поскольку публичное (письменно засвидетельствованное) объявление говорящим своего намерения совершить (совершать) действие в интересах другого лица ставит его с этого момента в положение субъекта, обязанного держать данное слово, что репрезентируется конструкцией «мне + инфинитив», являющейся в языке исследуемого периода социально маркированной перформативной (комиссивной) формулой. Ср.: *И в Помесном приказе та своя вотчина мне Федору с женою своею Ириною в записные вотчинные книги записать за ним Алексеем* [17, с. 111]; *А буде кто въ тѣхъ вышеписанныхъ крестьянь учнетъ встыпаться по какимъ моимъ крепостямъ и мнѣ... отъ своихъ крепостей по своей купчей очищать* [11, кн. 4, с. 279]; *...а будетъ я неувдовы Настасии на дочери ее двце Праскове не женюс справя помѣстья и мнѣ дат по сеи три тысячи рублей* [13, с. 188].

Обращение к адресату с позиций иных приоритетов — не власти, а имеющихся у говорящего знаний, опыта — демонстрируют инфинитивные предложения, в которых побудительность имплицитно выражена оптативным высказыванием, расставляющим другие смысловые акценты в модальных оценках потенциального действия. Такие предложения репрезентируют желание говорящего видеть осуществленной некоторую ситуацию по причине ее полезности, целесообразности для бенефактивного субъекта. В качестве последнего выступает либо адресат, либо общество, к которому принадлежит и субъект речи, и неназываемое третье лицо — субъект-исполнитель действия. В текстах деловых документов (докладах, доношениях, деловых письмах подчиненных) или отдельных публицистических произведениях, выдержанных в русле дидактических жанров или так называемой «литературы проектов» [5, с. 296], их языковой формой объективируются различного рода суггестивные высказывания, для которых предпочтительной оказывается именно оптативная семантика — на ее коммуникативном фоне актуализируется модальность потребности. Содержание названных модальных планов представляют две разновидности модальных предложений: а) с частицей **бы**, в том числе включенной в состав союза **чтобы**, «открывающего» самостоятельное предложение; б) без нее, встречающиеся гораздо реже. Ср.: *По все году прислано по наряду изъ Москвичъ человекъ сту и больше, а нынѣ бѣ тѣмъ не быть, а вмѣсто того написать изъ Московскихъ чиновъ... тридцать человекъ... ..Чтобъ по последней мере 6000 человекъ... вооруженной шляхты собрать и различными пути к войску привезти* [18, т. 3, с. 33]; *...а на житничную б подѣлку взят по алтыну съ яска... ..Сими бы работниками гсдрь по зимнему пути замолотой хлѣб бы принят...* [3, с. 250]; *...родителемъ от младыхъ ногтей, от сосуд матерню страху божию обучати младенцы своя, да паче растутъ въ добродетели* [15, с. 371].

В инфинитивных побудительных предложениях с частицей **бы** при обратной направленности их апеллятивной функции, то есть от вышестоящего социального субъекта к нижестоящему, реализуется значение должествования: *И будет тѣ бѣглые люди... отъ него Захарья отпиратца не учнуть... и вамъ бы объ отдачѣ тѣхъ ево Захарьевыхъ бѣглыхъ людехъ указ учинить по нашего великого государя указу* [12, с. 189]; *...и чтоб з Божию помощью на выручку не допустить к Арешку i Канцамъ* [18, т. 3, с. 4]; *...и тебе б лошади кормит и береч* [17, с. 125].

Вариативность инфинитивных волеизъявительных предложений, отражающих разнообразие побудительных ситуаций, основывающихся «на признаках степени интенсивности и характера содержания побуждения» [1, с. 33], самым непосредственным образом сказывается на содержании их модального плана. Так, помимо рассмотренных выше, выделяются инфинитивные предложения, реализующие модальное значение потребности — целесообразности, описывая потенциальную ситуацию, осуществление которой мыслится как наиболее оптимальный способ достижения положительных результатов в некоторых гипотетических обстоятельствах. Они отмечаются в текстах рекомендательно-инструктивного характера, служащих руководством в практиче-

ской, повседневной деятельности человека (либо их имитирующих). Ср.: *Аще у члвкв есть внутри какая нечистота и от того члвкв чахнет ино **взяти** пеплу березовых или дубовых дров да **просеяти**... **варити** в воде по трои сутки* [10, с. 181]; *Когда у кого заболит сердце и отягощеет утроба и тому пристойныя статьи: **Взять** мостового белого стуку 16 золотников, мелкого вешняго топу 13 золотников... в четвертый день **принять** в полудни* [9, с. 95].

Относительно рассмотренных выше процент инфинитивных повествовательных предложений очень невелик, даже если к ним причислить инфинитивные конструкции, входящие в состав сложных предложений. Они обычно представляют придаточные части сложно-подчиненных предложений, главная часть которых эксплицирует глаголами знания или мнения пропозициональную установку высказывания или описание ее. Потенциальная же модальность придаточной инфинитивной части не всегда поддается однозначной интерпретации, совмещая значения необходимости и возможности. Ср.: *Не знаю, матушка, как мне **благодарить** за высокую вашу милость* [19, с. 40]; *И как услышал Фрол Скобеев от мамки и не ведает, что **делать**, и не знает, как кого **обмануть** = что следует делать, как нужно, можно обмануть* [21, с. 160]; *...бгъ знает как **быт** с нею = как необходимо, можно быть (поступить)* [3, с. 203]; *...он же размышляя, како ему **ехать** и которую дорогою и в которое царство* [20, с. 129].

Совмещенными с теми или иными оттенками потенциальности могут быть частные значения необходимости и в других грамматических контекстах инфинитивных предложений: *А **сѣвских** гсдрь всего шесть члвкв и **тѣмъ** ннѣ **быти** на годовой службе в Батуруине = должно + предстоит быть, находиться* [3, с. 171]; *А **вшедь** въ полату и ставъ передъ **тѣмъ** государемъ, по апостолскому обычаю и держа грамоту, первому послу **говорить** рѣчь такову... = должно, положено говорить* [7, с. 38]; *...нас с Москвы отпустят и я к тебе из двора приволокус і в Корчаеве **мнѣ быт** для своего дела = необходимо, нужно быть* [6, с. 104]; *А есть ли бы от вне убор некий потребен был, и того не в наших скудных сокровищах **искать** = следует, разумно искать* [26, с. 142].

В отдельную группу выделяются малочисленные предложения с независимым инфинитивом *быти* в экзистенциальном значении, который устойчиво реализует модальный оттенок неизбежности. Ср.: *а мужиков не приишеш **быт** худу* [6, с. 60]; *...и незнаменова, где **быти** церкви по шимя пресвятыя богородицы* [22, с. 122]; *Да подъячим о том сказать: буде они такими денежными доходы станут какими мерами **корытоваться**, и им за то **быти** в жестоком наказанье* [23, с. 375].

Модальное значение возможности реализуется инфинитивными предложениями гораздо реже; более частотен по сравнению с ними его отрицательный коррелят. Он обнаруживается в предложениях с инфинитивом совершенного вида и отличается зачастую большей смысловой выразительностью, чем значение невозможности, выраженное модальными модификаторами, так как сопровождается оттенком крайней, абсолютной степени ее проявления, что выявляет сопряжение с семантикой неизбежности, которая может быть усилена семантикой

обобщенности действующего субъекта или соответствующими обстоятельственными распространителями. Оппозиция инфинитивных предложений по признаку «субъективная – объективная (невозможность)» формируется контекстными параметрами. Ср.: *Наука определена самая премудрая: хотя мне все дни живота своего по той науке себя трудити, а не приняти будет* [24, с. 318]; *...а мнѣ истинно одному за всѣми такими дѣлами не усмотрѣть понеже при сущей старости и очень здоров* [12, с. 27]; *Пишут историки... что ни на едином европейском государстве не видети есть так драгоценной короны, как на монархе российском* [13, с. 282].

Инфинитивные предложения среди прочих модально ориентированных грамматических контекстов являются лишь частным случаем, иллюстрирующим взаимодействие модальных уровней высказывания. Это позволяет говорить о принципиальной невозможности отвлечения при интерпретации его модальной семантики от акта коммуникации, ситуативно-прагматическая информация о котором существенно ее корректирует.

Список литературы

1. Буралова Р. А. Оптативные высказывания с независимым инфинитивом в современном русском языке // Функциональный анализ прагматических форм и конструкций. М., 1988. С. 104 – 111.
2. Георгиева В. Л. Безличные предложения // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис: Простое предложение. М., 1978. С. 261 – 265.
3. Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969.
4. Законодательные акты Петра I : в 4 т. М. ; Л., 1945. Т. 1.
5. Кафенгауз Б. Б. И. Т. Посошков и общественно-политическая литература эпохи Петра I // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 281 – 314.
6. Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964.
7. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840.
8. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : в 4 т. М., 1954 – 1976.
9. Лечебник на иноземцев // Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977. С. 121 – 124.
10. Лечебник последней трети XVII века // Источники по истории русского языка XI – XVII вв. М., 1991. С. 173 – 195.
11. Материалы исторические (Из рукописей Е. В. Барсова) // Чтения ОИДР. М., 1884. Кн. 1. С. 293 – 378 ; Кн. 2. С. 391 – 393 ; М., 1886. Кн. 4. С. 499 – 506.
12. Материалы по истории морского дела при Петре Великом в 1717 – 1720 годах // Чтения ОИДР. М., 1859. Кн. 4. С. 127 – 300.
13. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / под ред. С. И. Коткова, А. С. Орешникова, И. С. Филиппова. М., 1968.
14. Никифоров С. Д. Глагол. Его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.
15. Ораторские сочинения Симеона Полоцкого // Красноречие Древней Руси. М., 1987. С. 366 – 385.
16. Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными : в 10 т. СПб., 1851 – 1871. Т. 4.
17. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова) / под ред. С. И. Коткова, Н. И. Тарабасовой. М., 1965.

18. *Письма и бумаги императора Петра Великого* : в 13 т. СПб., 1887–2003 ; СПб., 1889. Т. 2 ; СПб., 1893. Т. 3.
19. *Письма русских государей и других особ царского семейства*. М., 1862.
20. *Повесть о купце* // Русские повести XVII века. М., 1954. С. 366–375.
21. *Повесть о Фроле Скобееве* // Русские повести XVII века. М., 1954. С. 215–234.
22. *Повесть об Азовском осадном сидении* // Русские повести XVII века. М., 1954. С. 54–73.
23. *Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве*. М., 1951.
24. *Реформы Петра I* : сб. док. / сост. В.И. Лебедев. М., 1937.
25. *Седельников Е. А. Эволюция структуры грамматических категорий инфинитивных предложений в русском языке (по памятникам XI–XVIII веков)* : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980.
26. *Прокопович Ф. Слова и речи* // Сочинения. М. ; Л., 1961.
27. *Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в древнерусском языке* // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. Л., 1959. Вып. 55. С. 3–27.
28. *Хайдаров Ф. А. О специфике языковой организации деловых текстов XII–XV вв.* // История русского языка: Лексикография и грамматика. Казань, 1991. С. 116–123.

Об авторах

Ольга Леонидовна Кочеткова — канд. филол. наук., доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: OKochetkova@kantiana.ru

Юлия Викторовна Гапонова — канд. филол. наук., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: IGaponova@kantiana.ru

The authors

Dr Olga L. Kochetkova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: OKochetkova@kantiana.ru

Dr Julia V. Gaponova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: IGaponova@kantiana.ru